

ПИТАННЯ ЗАГАЛЬНОГО МОВОЗНАВСТВА, СОЦІОЛІНГВІСТИКИ Й ІСТОРІЇ МОВОЗНАВЧИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

УДК 81–139:303.725.36

СУМАРОКОВА Людмила Николаевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального университета
«Одесская юридическая академия»; Одесса, Украина;
e-mail: shchogolevs@mail.ru; тел.: +38(0482)68–21–50

О КАТЕГОРИАЛЬНОМ БАЗИСЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье анализируются три подхода к исследованию категорий естественного языка, которые формировались как самостоятельные парадигмы. Первая парадигма связана с изучением частей речи как проявления системности языка; вторая ознаменовалась противопоставлением системности языка прагматичности его функционирования и выделением дескриптивов, регулятивов и экспрессивов как основных «ролей» слов. Третья парадигма акцентирует внимание на особом слое категорий языка — концептов, ответственных за вхождение «жизни языка» в «жизнь культуры» данного общества.

Автор предлагает синтезировать указанные парадигмы с помощью системно-коммуникативной модели языка. Проблема выделения категориального базиса естественных языков при этом выступает не как проблема разбиения слов, их функций или значимостей; речь идет о едином, связанном базисе категорий, выработанном, закреплённом и принятом коммуникативным сообществом; системообразующим фактором в этом единстве выступает языковая прагматика. От выбора коммуникативных целей и «жанров» общения зависит и выбор видов языковой формализации — направленных на знание («форма-образ»), на деятельность («форма-правило»), на чувственно-эмоциональное состояние коммуникантов. Особую важность при этом имеет признание коммуникативной равноценности двух дополнительных подсистем функционирования языка — подсистемы адресанта и подсистемы адресата.

Ключевые слова: категории языка, коммуникативная системная модель языка, прагматика коммуникации, прагматика языка, констативы, регулятивы, экспрессивы.

Проблема выделения устойчивых категорий естественного языка, характеризующих его целостность и самобытность, имеет длительную историю и различные измерения. Можно выделить по меньшей мере три таких измерения, отраженные в современной лингвистической литературе достаточно отчетливо и сопровождающиеся оживленными дискуссиями.

В первом из них исследование категориального базиса естественных языков может быть обозначено как проблема частей речи. При ее обсуждении довольно рано наметились два конкурирующих подхода. В одном в качестве критерия выделения частей речи выступали семантические признаки, а в другом — структурные (морфологические и синтаксические). Сторонников первого подхода условно назовем менталистами, а сторонников второго — формалистами. К числу «менталистов» можно отнести В. Гумбольдта, Э. Кассирера и тех лингвистов, последователей платонизма, которые считают, что энергия духа — духа народа, абсолютного духа, божественного духа, Единого идеального — проявляется, структурируется, воплощается в процессе говорения в словах и предложениях языка [1]. Р. Павилёнис считал, что континуальное сознание коммуникантов (концептуальные системы) — основа любого структурирования языка, всегда предполагающего дискретность [5]. «Формалистами» можно назвать в отечественной традиции Ф. Ф. Фортунатова, а в мировой — структуралистов, особенно представителей американской школы структурализма. Здесь единицы языка выделяются исключительно по формальным признакам в процессе разбиения текста на фонологически и морфологически маркированные единицы. Л. Блумфилд в начале своего творческого пути принимал установку на формальное описание языка в «физических» терминах, что потом стало импульсом развития той части дескриптивной лингвистики, которая широко использовала математическое моделирование языка, в том числе опирающееся на вероятностные методы [4, с. 178, 182].

Многие лингвисты пытались избежать крайностей «ментализма» и «формализма», опираясь и на грамматические, и на смысловые критерии одновременно; однако «объединительные» подходы нередко оказывались уязвимыми для критики из-за значительной доли эклектичности.

Второе измерение обсуждаемой проблемы наметилось после появления теории речевых актов. Центр внимания исследователей переместился на изучение намерений, целей, установок коммуникантов, то есть на прагматику речи. Однако прагматика нередко понималась при этом как надъязыковая, внешняя по отношению к языку сфера. Отсюда появилось противопоставление системности языка и прагматичности его функционирования и, соответственно, логико-семантических и прагматических методов исследования языка [1, с. 128]. Однако в лингвистике это противопоставление было преодолено за счет осознания трехмерности пространства языка, единства синтаксиса, семантики и прагматики как его необходимых измерений. В методологии лингвистики стали постепенно (не всегда) разделять прагматику коммуникации и прагматику языка как ее особый уровень. Типы речевых актов класси-

фицировались как типы *способов употребления* единиц языка. Соответственно, проблема категорий языка трансформируется в проблему различения регулярно встречающихся и формально закрепленных в языке способов употребления единиц языка. При этом формализация рассматривается не только со стороны участия в ней морфологических и синтаксических средств, но и со стороны наиболее гибких, подвижных ресурсов языка, например, ударения, интонации в их различных модусах.

Разнообразные классификации речевых актов, в конце концов, были обобщены в дифференциации констативов (дескриптивов), регулятивов (в том числе нормативов) и экспрессивов. Эти три категории единиц языка различаются не только функционально, но и генетически — по типу формализации, результатом которой они являются.

Традиционные классификации частей речи соотносились преимущественно с констативами — с представлением картины мира в сознании коммуникантов. В этом случае использовался тот вид формализации знания, результатом которого выступали *формы-образы* — способы представления некоторой предметной области через фиксацию немногих выбранных опорных признаков. Результат *формализации действий*, поведения в широком смысле — *форма-правило* — является организующим центром генезиса регулятивов (в т.ч. нормативов).

Формы-образы и формы-правила тесно взаимосвязаны друг с другом и с экспрессивами, что отражено в многочисленных функциональных концепциях анализа языковых единиц и конструкций из них. При этом отражательная функция языка явно подчинена коммуникативной и встраивается в нее в качестве обязательного компонента. На ведущей роли коммуникативной функции языка настаивал ещё Р. Якобсон, который считал, что ударение и интонация в общении выполняют, кроме разграничительной и выделительной функций, еще и экспрессивную функцию. Слово — это не только носитель информации о мире, о поведении человека или о структуре языка, но и выразитель эмоционального состояния человека, выразитель его переживаний, чувств, общего ценностного отношения к миру, к ситуациям, к коммуникантам. Без этого не может быть адекватно понято «тайнство мысли, воплощенной в звуковой материи», не могут быть раскрыты «тайны языкового символа, Логоса» [12, с. 31, 44].

В традиционных классификациях частей речи экспрессивы отражены в констатации существования особого разряда слов — междометий. А между тем экспрессивы — это большой класс и других единиц языка с преобладающим чувственно-эмоциональным значением, где исходные семантическое и синтаксическое значения зачастую «преодолены», «перекрыты» экспрессивным значением, которое в коммуникации может становиться не только главным, но и единственным значением. Данная категория языковых единиц настолько подвижна, что не может быть зафиксирована, скажем, с помощью какого-либо одного лексического или грамматического признака. Она может быть изучена только как проявление коммуникативной функции языка в целом. Поэт Владимир Владимирович Маяковский как никто другой способствовал утверждению в поэзии регулятивов и экспрессивов как узнаваемых, переживаемых элементов коммуникации. Многие его яркие неологизмы и новаторские способы употребления «старых», обычных слов можно назвать заметным вкладом в развитие русского языка именно в силу их активной экспрессивной силы.

Третье, набирающее все большую популярность, *измерение* проблемы категориального базиса естественных языков связано с широким употреблением понятий «константы языка», «концепты культуры» [6 ; 7]. Оно нацелено на изучение способов вхождения языковых смыслов в общее смысловое пространство культуры. При всей неопределенности понимания термина «концепт культуры» современными учеными, общая тенденция, обозначенная Ю. С. Степановым, представляется весьма перспективной: концепты культуры органически соединяют в себе и знание о мире, и связь с деятельностью, и чувственно-эмоциональное отношение коммуникантов. Концепты не только понимаются, влияют, но и переживаются, принимаются как *оторные смыслы* мироощущения, мировосприятия, миропонимания, поведения и, в конечном счёте, — *жизни, бытия* человека. Категориальный базис языка становится здесь совокупностью опорных смыслов, многослойных, устойчивых и динамичных одновременно, «ответственных» и за внутреннюю связность языкового сознания, и за функционирование языка в культуре общества в качестве одного из активных, создающих компонентов смыслового поля этой культуры. «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [6, с. 43].

Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, по-видимому, может приобрести свой новый глубокий смысл, если она не ограничится рассмотрением структурирования мира в разных языках, а будет охватывать все трехмерное пространство языка как целого, включая уровень концептов языка, ставших концептами культуры.

Как видим, перечисленные выше три подхода к выделению (обнаружению) категориального базиса естественных языков касаются разных проекций функционирования языка. До сих пор они изучались независимо друг от друга, относились к разным методологическим направлениям («парадигмам»).

Возможно ли их соотнесение и объединение в одной модели языка, которая позволяла бы увидеть внутреннюю связь столь разных аспектов? Мне представляется, что возможно. Такой оптимизм основан на идее соединения принципов системности и коммуникативности как базовых принципов построения модели.

Среди известных методологических инструментов, релевантных поставленной цели, отметим концепцию общей теории систем, разработанную А. И. Уёмовым [10]. Некоторые идеи А. И. Уёмова стали определяющими при построении контуров коммуникативной системной модели естественного языка [8]. К их числу относятся:

— определение понятия системы, которое предполагает а) наличие трех иерархически связанных уровней в любой системной модели объекта (концепт, структура, субстрат); б) обязательность процедуры выбора, фиксации одного из возможных вариантов на каждом из этих уровней; в) разграничение двух двойственных определений системы [10, с. 120–121];

— понятие системного синтеза и его вариантов;

— понятие «свертывания» отношения как «квазиснижения числа мест», введенное А. И. Уёмовым в 1964 г. [11, с. 59], позволившее различать в модели языка ее эксплицитную и имплицитную части.

Выделим основные пункты понимания процессов генезиса категориального базиса естественных языков, опираясь на коммуникативную системную модель языка.

1. Модель языка как системы с необходимостью предполагает синтез двух подсистем: подсистемы говорящего (адресанта) S_1 и подсистемы слушающего (адресата) S_2 . Выбор концепта при системном представлении как языка в целом, так и каждой из его подсистем происходит на уровне языковой прагматики, в зависимости от целей и вида коммуникации, от намерений и установок коммуникантов. Выбор (установление) структуры (типа текста, составляющих его конструкций) системы целиком зависит от ранее фиксированного концепта — то есть от выбранного системообразующего свойства (функции, цели) или системообразующего отношения (заданного порядка, фиксированного вида связи). Как видим, термин «концепт» понимается в теории систем в более узком, логико-методологическом смысле, в отличие от трактовки Ю. С. Степанова.

2. В силу линейного характера речи язык в каждый отдельный момент времени с необходимостью реализует лишь одну из двух своих подсистем — либо систему говорящего (адресанта) S_1 , либо подсистему слушающего (адресата) S_2 . Между ними существует отношение дополнительности; отношение дополнительности существует и между двумя механизмами формирования категориального базиса языка.

3. В подсистеме S_1 , понимаемой как «переход от смысла к тексту», системообразующим свойством (концептом в понимании А. И. Уёмова) является замысел, цель, идея — своего рода «зародыш» смысла будущего текста, который детерминирует выбор типа и структуры последнего. Структурой подсистемы являются синтаксические связи, удовлетворяющие замыслу, — начиная с выбора типа текста (дескриптивный, нарративный, дискурсивный), стиля, интонации и кончая выбором синтаксических и морфологических средств. Субстрат подсистемы — результат подбора слов, реализующих структуру. Цепочка: концепт (замысел, идея) → структура (тип текста, его синтаксис) → субстрат (окончательный подбор слов, других элементов текста) — в сравнении с формулой «смысл → текст» — имеет то преимущество, что не навязывает образ готового смысла, который «перетекает» в некоторый текст. Семантика текста создается вместе с текстом. То, что мы называем замыслом-идеей текста, является концептом будущей системы в том смысле, что с него начинается процесс возникновения текста, что он детерминирует выбор соответствующих языковых средств. Важно отметить, что концепт будущего текста всегда включает в себя, кроме рационального, эмоциональный аспект прагматического уровня коммуникации, находящий затем свое языковое выражение. Таким образом, следует различать более широкое понятие прагматики коммуникации и более узкое понятие прагматики языка. Внешняя детерминированность языка всем бытием человека не исключает относительной самостоятельности, самобытности каждого естественного языка в способах осуществления, выражения, конструирования смыслов, то есть на уровне прагматики.

Концепт системы S_1 в самом тексте эксплицитно не задан, он проявляется через подбор языковых средств для своей реализации. Например, концепт будущей системы текста в S_1 может представлять собой установку на выражение внутреннего состояния автора. По структуре и элементам текстам такой концепт может быть реконструирован читателем.

Научная коммуникация в качестве концепта текста-системы имплицитно предполагает установку на сообщение информации, на интеллектуальную деятельность, что также отражено в тексте.

Имплицитное существование некоторых системообразующих смыслов в прагматике языка Ю. С. Степанов образно описывает так: «Концепты могут «парить» над вещами и словами»; они могут быть либо «рамочными понятиями, либо понятиями «с плотным ядром» [6, с. 43]. Отметим, что здесь два разных смысла термина «концепт» — теоретико-системный и лингво-культурологический — по сути, совпадают.

4. Подсистему адресата S_2 лингвисты называют переходом «от текста к смыслу». Начинается этот переход с фиксации *расчлененности* текста на части, элементы и, одновременно с этим, установления *связности* свойств этих элементов. Те свойства, которые оказались коррелятами разных видов связности (синтаксической, семантической, прагматической) как внутренней, так и внешней, являются «претендентами» на роль определителей субстрата текста-системы. Окончательное установление субстрата происходит только тогда, когда реконструируется, выбирается из некоторых возможных вариантов концепт текста как системы, придающий целостность данному тексту, то есть его главная функция и стоящая за ней идея-цель, идея-замысел.

Получаем модель подсистемы S_2 , которую можно представить цепочкой: концепт (отношения расчлененности и связности между элементами, частями текста) → структура (свойства элементов, обнаруживающиеся как результат связности) → субстрат (все элементы текста, включая реконструированные цели, функции, «идеи»). Подсистема S_2 является двойственной по отношению к системе S_1 : в S_1 концепт атрибутивный, структура релятивная, а в S_2 концепт релятивный, структура — атрибутивная.

Существуют разные взгляды на подсистему S_2 как подсистему понимания текста. Одни авторы ограничивают этот процесс рамками автономии текста, ориентируются исключительно на его внут-

рение связи. Другие, напротив, видят зависимость понимания от внетекстовых и внеязыковых факторов. Однако, как представляется, наступает время, когда тезис о языке как автономном действующем субъекте коммуникации (один из лейтмотивов пост-модернизма) должен уступить место тезису о человеке как субъекте коммуникации. В этом плане представляет интерес позиция известного лингвиста Ю. Н. Караулова, который считает необходимым условием понимания не только знание тезауруса текста, но и соответствующий «тезаурус личности» — образ мира, систему знаний адресата; этим ученым вводится понятие «языковой личности» [3, с. 108–116]. Как кажется на первый взгляд, понимание детерминировано здесь внеязыковыми факторами. Однако внетекстовое — не обязательно внеязыковое: тезаурус личности, конечно, — элемент языка, но он личностно окрашен. Языковая личность — личность, но проявленная в способах употребления языка.

За текстами следует увидеть имплицитно существующую часть языка, связывающую его с человеком, с процессами практического использования языковых средств, — то есть прагматику языка. Прагматика языка объединяет подсистемы S_1 и S_2 , а не разделяет. В частности, вопрос о языковой личности может касаться каждого коммуниканта — он важен и при продуцировании смысла, а не только при его понимании.

5. Подсистема S_1 является базовой, «комфортной» для «менталистов», а подсистема S_2 столь же удобна для «формалистов». Соответственно, вполне объяснимыми становятся истоки разных концепций анализа категориального базиса естественных языков: у них разные системы отсчета. Ориентируясь на S_1 , «менталисты» фиксируют фундаментальную роль концепта-смысла; выбирая за отправную систему отсчета S_2 , «формалисты» оправданно видят главную роль концепта-структуры при выделении категорий языка. У менталистов эксплицитно в процессе выделения единиц языка присутствовали смысловые критерии, а имплицитно — формальные. У формалистов, напротив, структурные признаки принимались эксплицитно, а смысловые — имплицитно, в свернутом виде. И те, и другие внесли свой вклад в исследование фундаментальных единиц языка. Задача состоит в том, чтобы объединить полученные ими результаты в модели языка как целого.

6. Автономия подсистем S_1 и S_2 опровергается самим фактом взаимопонимания говорящего и слушающего в процессе общения. Монолизм участников коммуникации преодолевается благодаря единству языка, благодаря наличию общего жизненного и смыслового пространства культуры, а также благодаря единству сущности самого человека.

7. Коммуникативная системная модель языка предполагает осуществление синтеза подсистем S_1 и S_2 . А. И. Уёмов выделяет разные логические формы синтеза: реистический синтез как мысленное объединение объектов-операндов в один объект — результат операции; атрибутивный синтез, который предполагает объединение двух вещей таким образом, что одна из них становится свойством другой; реляционный синтез, когда одна вещь (реляционный компонент реляционного синтеза) устанавливается в качестве отношения в другой вещи (реистический компонент реляционного синтеза) [11, с. 106–113]. Аtribuтивный синтез, по-видимому, имеет место тогда, когда известные общие смыслы приписываются как свойства некоторым формальным структурам, выявленным в данном языке. Выбираются в качестве категорий языка только те структуры, которые могут быть носителями этих заранее известных общих смыслов. Такая позиция была близка А. М. Пешковскому, В. В. Виноградову и многим другим лингвистам.

Реляционный синтез предполагает, что устойчиво существующие языковые конструкции (структуры) организуют и, тем самым, делают возможными смыслы, понимаемые коммуникантами. В этом случае категории языка — это объективно установленные языковые формы, порождающие коммуникативные смыслы. Подобный подход защищали некоторые последователи Ф. Ф. Фортунатова, Д. Н. Овсяннико-Куликовский и многие другие.

8. Однако в более общем понимании категории языка — это не только смыслы, выраженные формально, и не только формы, наделенные смыслом; и те, и другие должны быть *релевантны целям* субъектов речевой коммуникации, они должны быть *принятыми* носителями данного языка, пройдя длительную практическую проверку на эффективность, *узнаваемыми* в процессах общения, как бы изменчивы и вариативны они ни были. Эти релевантность, принятость (легитимность), узнаваемость категорий определены только на уровне языковой прагматики как подсистемы прагматики коммуникации.

Категории языка — это не результат разбиения множества слов на подмножества на каком-то одном уровне. Категориальный базис языка — это совокупность таких элементов языка, которые необходимы для реализации основных функций языка как целого на всех его уровнях: семантики, синтаксиса и прагматики, и которые представляют, формализуют и знание о мире, и поведение, деятельность людей, и внутреннее состояние, намерения, установки самих людей как субъектов и познания, и практической деятельности, и общения в самом широком его понимании. Прагматический уровень языка как системы является при этом генетически первичным и логически системообразующим — это уровень концептов, задающих критерии выбора способов употребления и понимания всех остальных языковых средств.

Таким образом, категориальный базис естественных языков может быть выделен только при условии а) признания коммуникативного равновесия двух дополнительных подсистем S_1 и S_2 , понимания их равной ценности для процессов категоризации; б) учёта системообразующей роли языковой прагматики при установлении состава категорий, и, в частности, признания дескриптивной, регулятивной и экспрессивной функций как оснований для выделения категорий; в) учёта таких языковых кон-

тант, которые способствуют увеличению связности смыслового поля данного языка и его вхождению в смысловое пространство культуры.

Литература

1. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания / Н. В. Бардина. — Одесса : Астропринт, 1997. — 272 с.
2. Дёмина Л. А. Трансформации парадигмы смысла в аналитической философии : монография / Л. А. Дёмина. — М. : Изд-во МГОУ, 2006. — 140 с.
3. Караулов Ю. Н. Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах / Ю. Н. Караулов // Язык: система и функционирование. — М. : Наука, 1988. — С. 108–116.
4. Основные направления структурализма. — М. : Наука, 1964. — 360 с.
5. Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павилёнис. — М. : Мысль, 1983. — 286 с.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — 3-е изд. — М. : Академический проект, 2004. — 992 с.
7. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю. С. Степанов. — М. : Языки славянских культур, 2007. — 248 с.
8. Сумарокова Л. Н. Системность языка: её аспекты и уровни / Л. Н. Сумарокова // Параметрическая общая теория систем и её применения : сб. тр., посвящ. 80-летию проф. А. И. Уёмов. — Одесса : Астропринт, 2008. — С. 89–106.
9. Уёмов А. И. Проблема эквивалентности логических структур / А. И. Уёмов // Формальная логика и методология науки. — М. : Наука, 1964. — С. 52–64.
10. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уёмов. — М. : Мысль, 1978. — 272 с.
11. Уёмов А. И. Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития / А. И. Уёмов // Системный анализ и научное знание. — М. : Наука, 1978. — С. 95–141.
12. Якобсон Р. Избранные работы / Р. О. Якобсон. — М. : Прогресс, 1985. — 456 с.

References

1. Bardina N. V. Yazykovaya garmonizatsiya soznaniya / N. V. Bardina. — Odessa : Astroprint, 1997. — 272 s.
2. Demina L. A. Transformatsii paradigmy smysla v analiticheskoy filosofii : monografiya / L. A. Demina. — M. : Izd-vo MGOU, 2006. — 140 s.
3. Karaulov Yu. N. Tekstovye preobrazovaniya v assotsiativnykh eksperimentakh / Yu. N. Karaulov // Yazyk: sistema i funktsionirovaniye. — M. : Nauka, 1988. — S. 108–116.
4. Osnovnyye napravleniya strukturalizma. — M. : Nauka, 1964. — 360 s.
5. Pavilenis R. I. Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka / R. I. Pavilenis. — M. : Mysl, 1983. — 286 s.
6. Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar russkoy kultury / Yu. S. Stepanov. — 3-e izd. — M. : Akademicheskii proekt, 2004. — 992 s.
7. Stepanov Yu. S. Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii / Yu. S. Stepanov. — M. : Yazyki slavyanskikh kultur, 2007. — 248 s.
8. Sumarokova L. N. Sistemnost yazyka: ee aspekty i urovni / L. N. Sumarokova // Parametricheskaya obshchaya teoriya sistem i ee primeneniya : sb. tr., posvyashch. 80-letiyu prof. A. I. Uemova. — Odessa : Astroprint, 2008. — S. 89–106.
9. Uemov A. I. Problema ekvivalentnosti logicheskikh struktur / A. I. Uemov // Formalnaya logika i metodologiya nauki. — M. : Nauka, 1964. — S. 52–64.
10. Uemov A. I. Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya sistem / A. I. Uemov. — M. : Mysl, 1978. — 272 s.
11. Uemov A. I. Formalnye aspekty sistematzatsii nauchnogo znaniya i protsedur ego razvitiya / A. I. Uemov // Sistemnyy analiz i nauchnoye znanie. — M. : Nauka, 1978. — S. 95–141.
12. Yakobson R. Izbrannyye raboty / R. O. Yakobson. — M. : Progress, 1985. — 456 s.

Сумарокова Людмила Миколаївна,

кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Національного університету «Одеська юридична академія»;
Одеса, Україна;
e-mail: shchogolevs@mail.ru; тел.: +38(0482)68–21–50

ПРО КАТЕГОРИАЛЬНИЙ БАЗИС НАТУРАЛЬНИХ МОВ

Анотація. У статті аналізуються три підходи у дослідженні категорій природної мови, що сформувалися як самостійні парадигми. Перша парадигма стосується вивчення частин мови як виразу системності мови; друга ознаменувалася протиставленням системності мови прагматичності її функціонування та виокремленням дескриптивів, регулятивів і експресивів як основних «ролей» слів. Третя парадигма акцентує увагу на особливій групі категорій мови — концептів, що відповідають за входження «життя мови» у «життя культури» даного суспільства.

Автор пропонує синтезувати вказані парадигми за допомогою системно-комунікативної моделі мови. Проблема виокремлення категоріального базису природних мов при цьому виступає не як проблема розбиття слів, їх функцій чи значимостей; мова йде про єдиний, зв'язний базис категорій, який розроблено, закріплено та прийнято комунікативним суспільством. Системоутворюючим фактором у цій єдності виступає мовна прагматика. Від вибору комунікативних цілей та «жанрів» спілкування залежить і вибір видів мовної формалізації: направлених на знання («форма-образ»), на діяльність («форма-правило»), на почуттєво-емоційний стан комунікантів. Особливу роль при цьому відіграє визнання комунікативної рівноцінності двох додаткових підсистем функціонування мови — підсистеми адресанта і підсистеми адресата.

Ключові слова: категорії мови, комунікативна системна модель мови, прагматика комунікації, прагматика мови, константи, регулятиви, експресиви.

Lyudmila N. Sumarokova,

Candidate of Philosophy, Ass. Prof. of the Department of Philosophy, National University «Odessa Law Academy»;
Odessa, Ukraine;
e-mail: shchogolevs@mail.ru; tel.: +38(0482)68–21–50

ON THE CATEGORICAL BASIS OF NATURAL LANGUAGES

Summary. The aim of this article is to analyze three approaches in investigation of natural languages' stable categories. These approaches were developed as autonomous research paradigms. The first suggests analyzing parts of speech as manifests of systemic character of language. The second opposes the last to the pragmatics of language functioning and emphasize

descriptives, regulatives and expressives as basic «roles» of words. The third paradigm gives particular attention to the special stratum of language categories — concepts that are responsible for the incorporation of «language life» into the «culture life» of a given society.

I propose to synthesize three mentioned paradigms with the help of systemic-communicative model of language. Then the problem of revealing the categorical basis of natural languages will appear not as a problem of partitioning for words, their functions or significances. Instead, we speak about united, coherent basis of categories, which is elaborated, fixed and accepted by communicative society. The system-forming factor for such a union is the pragmatics of language. The choice of communicative goals and dialog «genres» will imply the choice of language formalization types — as intended for knowledge («form — image»), for activity («form — rule»), for sensory-emotional state of communicators. The special importance in the proposed synthesis plays the acceptance of communicatively equal significance of two complementary subsystems of language functioning, namely addresser and addressee subsystems.

Key words: language categories, communicative system language model, communication pragmatic, language pragmatic, constatives, regulatives, expressives.

Стаття отримано 15.09.2013 р.

УДК [811.161.1+811.161.2+811.162.1]'26'27'373.34

БУДНЯК Данута Владимировна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и компаративистики

Института неологологии и междисциплинарных исследований Седлецкого

гуманитарно-естествоведческого университета; Седльце, Польша;

e-mail: danutabudniak@poczta.onet.pl; тел.: +48-41-332-31-74; моб.: +48-604-456-266

РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ВАРЬИРОВАНИЕ СЛОВА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается лексический состав русского, украинского и польского языков с точки зрения диахронии. Непрерывное развитие лексики связано с изменениями, которые происходят в общественной, политической, экономической, научной и культурной жизни общества, в котором живут носители языков. Установлено, что с изменением социальных условий жизни и развитием научных и гуманитарных знаний, культуры, спорта в конце XX — начале XXI в.в. в странах основного распространения исследованных языков состав ряда тематических групп значительно изменился. Ряд тематических групп политического, хозяйственно-экономического, культурологического, научного и научно-образовательного дискурсов пополнился, с одной стороны, многочисленными историзмами, с другой — неологизмами. В языках, которые мы сопоставляем, появляются единицы, называющие понятия новых цивилизационных, научных, культурных, гуманитарных ценностей всего мира. Появление многих современных неологизмов обусловлено углублением знаний в области космоса, компьютерной техники, новых средств связи и передачи информации. Употребляется лексика, бывшая ранее на периферии языкового сознания в пассивном словаре: устаревшие слова, называющие возрождающиеся реалии дореволюционной эпохи, единицы религиозного дискурса и др. В активном запасе украинского языка нередко усваиваются слова диалектной речи.

Ключевые слова: социолингвистика, язык эпохи социальных преобразований, историзм, неологизм, активное употребление слова, русский язык, украинский язык, польский язык.

Целью данной статьи является описание результатов исследования влияния социальных и общих цивилизационных процессов в мире на развитие родственных русского, украинского и польского языков в эпоху социальных преобразований конца XX — начала XXI в.в. в странах основного распространения этих языков.

С точки зрения социолингвистики, современные русский и украинский языки имеют черты, свойственные языкам периодов социальных (в том числе и революционных) преобразований. Эти языки активно отражают динамику социальных преобразований и неоднозначные реакции носителей на них. Заметными при этом в обществоведческом дискурсе являются процессы увеличения роли средств массовой информации в формировании языка эпохи и тезауруса личности; активизации лексикографической практики как реакции на изменения в словарном составе языков; борьбы старых и новых культурно-языковых тенденций, сопровождающейся трансформацией языкового вкуса; а также наличие богатого набора средств «революционного фразёрства».

В конце XX века в лексике русского, украинского и польского языков наблюдаются активные процессы, которые отражают изменения социально-культурного, научно-политического и политико-идеологического уклада жизни общества. В близкородственных языках эти процессы стимулируют как схожие, так и различные лингвистические проявления. Обновление словарного состава языка (и, как следствие, тезауруса языковой личности) всегда вызывало особый интерес. Анализ этих процессов в русском и украинском языках конца XX века получает не всегда однозначную оценку. По-разному оценивается степень и глубина этих изменений. В русском языкознании наиболее распространённым является мнение, что языковое чутьё «спокойных» 60–70-х годов радикально отличается от языковой ситуации 90-х. «За десять лет мы не стали говорить совершенно иначе, чем до перестройки, но язык наш за минувшее десятилетие изменился решительно, примерно так же, как русский язык начала XX века, язык Чехова и Блока, изменился под влиянием революции, гражданской войны, нэпа и становления социалистической формации» [8, с. 118].